

Александр Владыкин

Газда

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Газда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44528421

SelfPub; 2019

Аннотация

Неумные действия человека приводят к авариям, катастрофам. Эта книга об влиянии этих катаклизмов на «тонкие миры», окружающие нас.

Глава 1

Некоторым не нравится Хайфа, не любят всё, что связано

с

Средиземным морем, и акулами. Как-то так сложилось, что в этом городе собираются одни шарлатаны. Но Хайфу любят туристы, они в ней души не чают, где ещё можно так быстро потратить деньги, как не в этом восточном городке. Воспоминаний, потом, на целый год. В самой же Хайфе, особое отношение к «русским», за созданный для города имидж . Нигде, ни в одном городе Израиля, ты не встретишь такого обилия русскоязычных евреев, как здесь.

– Я вас умоляю... Здесь вам не Дерибасовская... Вы не подскажите, как проехать на Ерусалим?

Хайфа, вполне современный город, но приезжие игнорируют магазины, супермаркеты и бутики. Сами туристы превратили город в базар, одни прилетают чтобы купить, другие – продать. Хайфа из туристического центра, незаметно превратилась в продолжение одесского «Привоза», где широкие тротуары превращаются в торговые ряды. Вы никогда не видели еврейскую матрёшку? Вы очень много потеряли. Приезжайте в Хайфу, здесь всё завалено еврейскими матрёшками. Я убедился на собственном примере, когда, чтобы отвязаться от надоедливого торговца, купил за бесценок сборник Израильской поэзии. Меня поразило, что первый поэт был Айвазовский, второй Левитан, а третий – Попандопуло (Псевдоним, наверное). Моя подруга выхватила книжку, её

удивило, что местные стихоплётёты пишут на арабском. При доскональном изучении этого творчества, с привлечением знающих людей – эта поэзия оказалась графиком движения прогулочных катеров по реке Нил за прошлый год. Вам нужно это расписание? Мне тоже. Зато оформление! Любая редакция позавидует. И, всё же, Хайфа отличается от Одессы, здесь люди радуются, правда ходят без английского сыра, но не с такими грустными фейсами. На Родине все Одесситы жалуются друг другу: в трамвае, на кладбище, в театре. Им всё не нравится, всё не так. Все чем-то недовольны. Вспомнил, как мой друг встретил одноклассника, не виделись со времени окончания школы, он его не узнал. Мой друг воспринял это с такой обидой, как будто, одноклассник виноват в том, что его не расстреляли при оккупации города, и всё из-за того, что его не узнали.

– Боня, я действительно так плохо выгляжу или им кажется, таки.

Мой друг набивался на комплимент, крутился перед мной, как – будто я зеркало. Он действительно выглядел, на «пол шестого», но я не стал добивать его. В Одессе, если семье хватает ума, на хлеб с маслом, и ты покупаешь талон на трамвай, никогда нельзя говорить правду, этим ты можешь обидеть весь город, и в лучшем случае, тебя загонят на дом профсоюзов, а в худшем – на старое еврейское кладбище. В Одессе, лучше не разговаривать с посторонними, так лучше для здоровья. Мой сосед, что объяснил одному проезжему

из Жмеринки, как пройти на улицу Двадцать второго съезда КПСС, до сих пор не вышел из реанимации. Я его спросил:

– Дядя Жора. И что ты ему такое сказал?

Тот клялся – ничего подобного! Я сколько живу в Одессе, никогда не встречал такой улицы. Я ему и сказал, подойди к любому гою в форме полицейского, и он тебе всё объяснит. Я же не виноват, что этот шумер всё перепутал, назвав блюстителей порядка, геями. Они ему и так, целую ночь всё объясняли, доходчиво, даже увезли в свою «голубую устрицу», где учили его маршировать по камере, как, таки, по одесским бульварам. Шумер злопамятным оказался. Я к соседу в больницу за долгом приходил, он мне и посоветовал, скопить денег и не пожалеть – хоть раз слетать в Израиль и побывать в Хайфе.

– Тогда Боня, ты проживёшь жизнь не зря.

Я и поверил. С этого момента у меня выработалось защитное свойство – никогда не верить землякам. И ещё одно: меня всю жизнь обижали, издеваясь над инициалами и фамилией, меня даже отчим называл грязным, вонючим скунсом. Мальчишки со двора, через день вылавливали меня в переходах, и задавали трёпки. Маме надоело латать мои вечно порванную одежду, и слушать мои неудачные оправдания. Я помню. Мне было тринадцать лет, я хотел быть не умным, а сильным – очень сильным. Возле киностудии, где работала мама костюмером, открылась секция каратэ. Она, чтобы не вытирать кровь из моего носа, и не тратить казённый йод

на многочисленные ссадины и тумачи, записала меня туда. Теперь моя жизнь стала вдвойне невыносимей: сначала, после школы меня раскатывали по матам, в спортивном зале, пересчитывая все косточки худенького подростка, а потом, в подворотне меня ждали пацаны. Мне, потом, в жизни, часто приходилось писать автобиографии, и везде я расписывал своё «счастливое и беззаботное детство». У меня, абсолютно, не было склонности к музыке и к иностранным языкам. Отчим от нас ушёл, через полгода, потом родилась Вера. Нам, как-то не везло с отцами, кроме мамы у нас никого не было, а у неё не было на нас времени. По ночам мама шила что-то, к репертуару театра, а в выходные занималась переводами. Родители маме дали хорошее образование, у неё был дар; а я, с трудом заканчивал восьмой класс и не знал, то ли в училище мне идти (по – нашему – бурса), или продолжать своё образование до среднего. Занятия спортом так и не научили меня драться, зато защищаться я мог чудесно. У меня была гибкость, пластика и рост. Мама устала перешивать мою одежду. В секции меня называли Змей, эта кличка вскоре поползла по всему городу.

– На вашего Змея нет управы. Ваш Змей моего мальчика побил.

Мама терпеливо выслушивала жалобы соседей. Не знаю, может в душе, она гордилась мной, надо отдать должное, мама никогда не жаловалась никому, даже отчиму. А я терпел, потому, что хотел быть сильным. И с этим третьекурсником

получилось не так, как ему нравилось. Я его не бил, я защищался (может быть защита была за пределами нормы, но четвёртый курс ему уже не грозит. Он забыл, он всё забыл; из-за этого гада я боялся во двор выйти, он ждал меня у булочной и отнимал деньги, а я не знал, как отчитаться перед матерью, и скрывал то, что целый день провёл голодным из-за этого Мишки, которого боялась вся детвора). Так я получил свой первый и последний срок. Спасибо тренеру, что не рассказал, про мои спортивные достижения. Со сроком, нормальная жизнь для меня закончилась. Срок был условным, а экзамен за десятый класс пришлось сдавать в конце лета, «почти экстерном». Так, что у меня не было ни последнего звонка, не выпускного вечера. В армию тоже не взяли – еврей, да ещё со сроком, хотя по состоянию здоровья я был готов к любым войскам. Мне почему-то хотелось в пограничники, или в спортивную роту. Там – на медицинской комиссии я и познакомился с Ванькой. Его тоже забраковали. Он был самым низкорослым из призывников – метр с кепкой. Ванька ко мне первым подошёл:

– Ты, что, тоже чукча?

– С чего ты взял?

– А, я думал, что только чукчей в армию не берут?

– Я еврей.

– А евреи, это кто такие?

Мне впервые в жизни встретился человек, который ничего не знал о существовании евреев. Я промолчал. Но этот

Ванька был, как банный лист, он специально в Одессу прилетел, чтобы его в армию забрали. Но опять облом.

– Если бы я был такой длинный, как ты, то давно бы был в войсках, а из-за моего роста мне с армией, и с девушками, не везёт.

Он меня и потянул к военкому. У каждого, свои проблемы: в Одессе, в моём кругу, служба в армии не приветствовалась, наоборот, пытались её избежать, пройти заочно. Но в семье сложилось такое положение: сестра сразу в две школы пошла, в обычную и музыкальную, а мать ещё на пол ставки. Здоровье у матери стало сдавать, и всё бы ничего, но я случайно подслушал её разговор с подругой: она жаловалась, что Боня вырос, а талантов никаких нет, может быть, если бы не погиб отец на съёмках, всё было бы иначе? Из разговора я впервые услышал про то, что у меня был отец и ещё жива его мать (то есть моя бабушка), которая нас не признаёт, и, косвенно, обвиняет мою маму в гибели своего сына. Мама жаловалась, что ей тяжело прокормить подростокое семейство. Бабушка жила в Москве. Ну, это потом. Я её всё же увидел, совсем при других обстоятельствах и совсем не в Москве.

Военком листал наши дела, сверялся в заключениях медицинской комиссии. Потом меня просил подождать за дверью, о чём они говорили с Ванькой, для меня в тот миг являлось секретом. Ванька уже в армии признался, что военком подговорил его к подлогу и поспособствовал замене утерянных документов, с единственным исправлением – везде, в

графу национальность было – русский. Ванька вылетел, как на крыльях. Со мной тоже был не долгий разговор.

– Впервые вижу еврея, который рвётся в армию!

Военком, оказывается, был знаком с моим отцом, кое где надавил, кое кого, просто поблагодарил, и через два дня мы с Ваньком были на опорном пункте. Нас призвали в «дикую дивизию» – в стройбат. Здесь мне понадобилось умение драться, приходилось стоять за себя и за «малыша», как прозвали Ваньку в подразделении. Я был Шпалой. Войска, хоть не железнодорожные, но этих шпал я натаскался за год – на пол союза хватит. Четыре шпалы красовались на моих погонах, по две на каждом. Говорят, армия научит, армия воспитает... не верьте, армия может сделать вас только хуже, тупее и опасней. Я перестал чувствовать жалость к сослуживцам, вообще, ко всем людям, я, как зверь, требовал только исполнения приказа своими подчинёнными. Я знал, что «Шпалу» не любили в подразделении, один Ванька считал меня своим другом. Мой простодушный и бесхитростный чукча. Ванька даже в армии скрывал национальность и никто, кроме меня не знал, где он родился и при каких обстоятельствах попал в армию. Мы погибли через полгода, не дожив до дембеля, на крыше атомного реактора в Чернобыле. Больше Ваньку я никогда не видел, не знаю даже, где похоронен. Это был первый и единственный друг за всю мою первую беспутную жизнь. В новых документах я взял его фамилию и отчество, оставив себе только своё имя. Мне посоветовала это моя по-

койная бабушка, невольно принявшая участие в моей дальнейшей судьбе. Чтобы ни у кого, никогда не возникло вопросов. Я родился, в прямом смысле, во второй раз, именно её стараниями. Я знал, что мама с Верой уехали в Америку, почти сразу, после моих похорон. Вера впитала в себя все еврейские таланты, она тоже изменила фамилию, а может быть, так было надо, я не знал, и специально не интересовался. Никто не ведаёт, как оказался саркофаг с моим телом в Москве, и кто похоронен вместо меня в Одессе. Тогда, в восемьдесят шестом году была такая неразбериха. Бабушка была начальником лаборатории, я не буду перечислять все её достижения и регалии, но одно то, что лаборатория находилась при союзном управлении КГБ, уже многое о чём говорило. Бабушке сердце подсказало, когда она выбирала материал для исследований, поступивший из Чернобыля. Документов не было, материал был свежим, дозиметры срабатывали за версту. Эти военные были пропитаны радиацией, их никто не вскрывал..., а зачем? Мне, наверное, впервые повезло – после смерти. То, что за материалом пришла, именно моя бабушка – доктор наук, а не её ассистенты, и то, что мы всё-таки побывали в каком-то из военных моргов, где каждому погибшему на большой палец левой ноги повесили бирки – С полными инициалами, и год рождения, и дата смерти. Каждого солдата представили к награде, но это было потом. Я никогда не был на одесском кладбище, не видел своей могилы, в этом что-то было сверхчеловече-

ское, мистическое. Вся жизнь моя, после воскрешения была сверхчеловеческой и мистической. Может бабушка и права, лучше жить под чужой личиной, но жить. Я, изредка заглядывал в интернет, блогеры делали вбросы в раздел новостей:

– В Одессе вандалы разрушили памятники героям черномыльцам.

На разбитых плитах кто-то губной помадой написал:

– «Смерть клятым москалям!»

Я уже задумался:

– А, может было бы лучше, если бы мы тогда не вмешались? И Ванька был бы жив..., и «на алюминиевом поле росли бы железные огурцы». Нет, лучше бы не было. А так, мы мертвы, а с мёртвыми легче воевать. Но не всегда! Просто, не было приказа, вы ещё не знаете про ярость мёртвых. Зомби – это сказочки для фантастов и сценаристов, по сравнению с подразделениями пятого апокалипсиса. Ах, вы ничего не знаете о предыдущих четырёх? Это ваша проблема. Проблема того, что вам закачали в мозг. Но пока эти спец. войска в стадии разработки, лабораторные эксперименты. Но они есть.

После развала СССР, началась большая неразбериха. КГБ и лаборатории закрыли, исследуемый материал подлежал уничтожению, за этим следили светила науки Америки. Бабушка меня выкрала из лаборатории, до моего полного созревания оставался ровно месяц. Потом были сделаны документы на умственно отсталого внука, и мы переехали в Гер-

манию, туда, где доктору наук предложили работу по родственной теме. И пошло не традиционное обучение, я не сидел за партой, больше лежал в кресле каталке. Обучение имело перерывы, когда мне вживляли имплантаты. За пять лет интенсивного обучения, я превратился в упитанного здоровяка, знал шесть основных языков на разговорном уровне, в меня были вложены знания с медицинским уклоном. И всё же, бабушка готовила из меня война. Мой мозг был устроен, как самообучающийся компьютер. Правда, сверхчеловеком, я себя не чувствовал, но это было именно так. Бабушка гордилась мной, я был самым удачным из её опытных экземпляров, она только от меня не скрывала этого, и говорила, что генная экспертиза подтвердила отцовство её сына.

– Но, внук, не обижайся, теперь в тебе больше моего, есть и гены инопланетян и ещё кое – кого, про которых мой внук, вам лучше не знать.

Наконец, программа закончилась, пришло время экзаменов. Тестирование я проходил в различных уголках мира. Я даже сам не знал, что обладаю такими возможностями. На Камчатке, да простят меня экологи и защитники фауны – из «Гринписа», я руками разорвал двух медведей, мы не поделили рыбу. В Антарктиду меня выкинули абсолютно голого, такое было условие текста, и в пятидесятиградусный мороз под шквальным ветром, я должен был отсидеть не менее четырёх часов. Я признаюсь, схитрил, влез в стаю пингвинов, пока не стало совсем жарко. Я оброс толстым мехом и

под кожей стал циркулировать жир, всё более согревая организм. Хитрость моя удалась и осталась безнаказанной. Главное условие теста, была проверка на мою морозоустойчивость, и я выдержал испытание. До самой Кубы я линял, очищался от защитного покрытия. Самое неприятное для меня были горы, меня закинули вертушкой на Памир. Текст был, вроде из лёгких, я должен был пройти из пункта «А» в пункт «Б». Но тест был с подвохом, это был самый сложный маршрут, придуманный человеком, который никто не смог пройти. Я не знал, хотя, встречающиеся, повсеместно белеющие кости, наводили на определённую мысль. В этих местах было несколько «перевалов Дятлова», но меня никто не предупредил. Я прошёл, иногда чувствовал себя не совсем собой, но зеркала не было, а в ручьи я не заглядывал. По пути, встретил французских альпинистов, они готовились штурмовать одну, из Памирских вершин, которую я проскочил за полдня, просто она была в моём маршруте. Французы испугались при моём появлении, для них моя походка показалась слишком быстрой, потом все защёлкали фотоаппаратами, и всем, что было придумано человеком для фотографирования на рубеже двухтысячного года. Я позировал. Один альпинист отважился, и на плохом английском, попросил снежного человека позировать перед камерой. Я уступил его просьбе. Он поблагодарил. Я ответил ему на чистом Французском. Что было!?! Альпинисты даже про вершину забыли. Но надо было спешить, я и так задержался, восстанавливая

дыхание. Мне в пути пришлось притормозить ещё раз, когда впереди послышался гул сошедших снежных лавин. Я не знал, что лавины были искусственными и их специально обрушили, для, прохождение теста, на интуицию. В пункт «Б» я прибыл вовремя, даже с опережением графика. Я прошёл шесть текстов и в каждом было своё испытание, меня, что только в воде не топили, но подозреваю, что я и этот бы тест прошёл с успехом. Я спешил домой, похвастаться бабушке. Я застал её в больнице, я ещё успел её застать. Врачи качали головами и разводили руками, предлагали бабушку отправить в Израильскую специализированную клинику для онкологических больных. Бабушки не стало через три дня. Она оставила завещание, всё на меня, только обручальное кольцо с фамильным бриллиантом, просила нотариуса передать моей матери, как бы, умирая, просила прощения за совершённые ей житейские ошибки. Письмо я получил через год, с кассетой, в которой было видеообращение моей бабушки ко мне и просьба, прослушав эту кассету уничтожить её немедленно, чтобы не осталось и следов. Это были заветы старой еврейской женщины, по которым я и сейчас живу. Бабушка рассказала немного из своей жизни, это был её секрет, и я не собираюсь раскрывать чужую тайну. Просто, я понял, почему я такой бесталанный и невезучий родился в своей первой жизни. Но бабушка гордилась тем, что успела убрать из меня ошибки своей молодости, жалела об одном, что слишком поздно пришло озарение, она бы смогла спасти и свое-

го сына. Бабушка гордилась, что создала меня, вопреки различным теориям.

– Внук! Я могла бы прожить ещё двадцать лет, несмотря на запущенный рак. В моих силах было пройти реинкарнацию, но я не хочу. Я добилась в жизни всего, что хотела, у меня есть ты, чтобы жить дальше, а в тебе мои гены. Запомни. Смерти не существует. Это я тебе, мой внук, как учёная говорю.

Остальное: счета, недвижимость – оно вам не нужно. Бабушке не было и восьмидесяти лет.

Глава 2

Бабушка сказала, что я не похож на остальных, не похож и на бывшего себя, это сделано специально. Что она имела в виду? Я всю жизнь не любил смотреться в зеркало, а тут меня заинтриговали. В соседнем номере поселилась пара молодых, да, да молодожёны, если их так можно назвать, так невеста – эта, без усов которая, хотела ко мне перебежать. Я посоветовал жениху, из Пловдива, отель в одном из арабских районов, там все закутанные ходят, а для себя взял, как правило – пореже пользоваться общественными туалетами. Вообще, Израиль, сам по себе – особое место! А Хайфа – его самый драгоценный камень, который венчает корону этого государства. Не удивляйтесь, царь Давид, тоже был коронованной особой, и иногда требовал своей безопасности, хотя бы перед историей. Мне кажется, что если хорошо покопать, то и в современной Хайфе можно отыскать его следы. Я ушёл

пешком на море, это далеко, но не для туриста, впервые прибывшего в этот величественный город. Вы когда-нибудь бывали в приморских туристических зонах? Здесь даже женщины ходят без накидок, стараясь пользоваться тенью домов от все обжигающего солнца, сверкая намазанными кремом ягодицами, переливающимися в бикини. Кошельки всегда держат в руках, или же по русской привычке – деньги хранят в лифте (в бюсте – кому надо, тот поймёт), на пляж стараются брать одну мелочь, на лимонад. Никогда не подумаешь, что тебя могут обворовать на подходах к пляжу. Женщина, не обращая внимание на косые взгляды завистников, как десять лет учили в балете, от бедра... и только пройдя ещё метров пятьдесят, до неё, с трудом начинает доходить:

– Обворовали! Украли! Караул!

Мечется чтобы спрятаться на многолюдной улице. Остаётся только магазин, хозяин которого выбегает в гнев, женщина отбивает его покупателей, разбегаются все, при виде голый разъярённой мегеры.

– Всё! Брошу всё! Из-за этих глупых русских, никакой торговли. Третья русалка за этот день!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.